В Москве проходят гастроли Королевского Шекспировского театра (Великобритания). Гости показали пьесу Шекспира «Макбет». Вы видите сцену из спектакля. Леди Макбет — Вивьен Марчант, Макбет — Пол Скофилд.
Фото Н. Кулешова

Рецензию на спектакль читайте на 4-й стр.

А той пролитой КРОВИ

Г. БОЯДЖИЕВ

Но это только предупреждение. Режиссер Питер Холл тут же направляет действие в спокойное, эпическое русло. Болотные бугры выравниваются в зеленую поляну, на которой стоит отряд Дункана. Пришла радостная весть: мятежники разбиты, победил доблестный Макбет. Наивный и честный мир старинного воинства — седой, как лунь, патриарх Дункан, его два сына — божьи агнцы и ополчение, молодец к молодцу, с пиками и мечами, в коже и кованых шишаках. Кажется, что правда и сила здесь пребудут вечно.

Но не прямыми путями ходят богини судьбы.

Совсем не схоже с выходом победителя первое появление Макбета... Он идет один (без Банко), рассеянным шагом, с застывшим взором и чуть приподнятым вопрошающим лицом. Кажется, что Макбет вышел из тьмы на эту мерцающую болотными огнями поляну, чтоб обрести ясность. Так в напряженной думе и с предельной сосредоточенностью начинает свою роль Пол Скофилд.

Его Макбет — это не гордый победитель, жаждущий новой славы и почестей, не благородный тан, с опаской прикасающийся к запретным дарам фортуны. Это совсем иной человек. Для этого Макбета трон — только символ. Символ человеческого величия.

После того, как Гамлет трагически оплакал человека, бывшего «венцом всего живущего» и ставшего «квинтэссенцией праха», после этого жизнь не остановилась и сильные, смелые, умные, страстные люди не перестали выходить на поля жизненных битв.

КТО ЖЕ эти новые люди и как они побеждают? Таким вопросом задался Шекспир в «Макбете», и этот вопрос был воистину гамлетовским.

Мы смотрим в лицо Макбету—Скофилду и не можем отделаться от чувства, что впервые доверились этому актеру, увидев его в роли Гамлета. Не подумайте, что я говорю о самоповторении актера; подобное в столь несходных ролях произойти не может. Мысль моя сводится совсем к иному — **гамлетовское** я вижу в самом творческом субъекте художника. Чтобы познать тип Макбета, надо в него **вникнуть**, надо им стать, но так, чтобы не захлебнуться во взбаламученном море злых страстей, а сохранить проницательность и твердость взгляда, сохранить «позицию Гамлета».

Такое сближение двух образов было бы искусственным, если бы не неожиданное обстоятельство. Актер нашел звено, соединяющее эти два характера. Это звено — глубокий мыслительный процесс, суждения о человеке, которые идут от имени человечества. Но с той разницей, что Гамлет выступал от имени человечества, а Макбет подменял собой человечество. Мы следим за игрой актера в Макбете — какой напряженной лихорадочной мыслью горят его глаза, какая непрестанная тревога теснит ему грудь, как насыщены и точны его интонации. Нет, это не

...И создается неожиданное ощущение, что это Гамлет умышленно погружается в мир злодейства и желает мысленно пройти в своей душе всю шкалу преступлений, что это философ совершает страшный психологический эксперимент — стать лицом к лицу с убийством.

Поначалу все кажется не очень сложным. Да, Макбет колеблется, да, он взвешивает все «за» и «против», но осуществить план убийства — для него дело простое. Актер блистательно проводит монолог перед свершением смертельного акта, его большие белые руки разыгрывают в воздухе своеобразную «пантомиму убийства», воображаемый кинжал, воображаемые капли крови, воображаемый удар — это мыслительный процесс в действии, в движениях. Если не вслушиваться в слова монолога, то игра рук Скофилда—по-своему красивое, пластическое зрелище. Но бьет колокол. Макбет выхватывает кинжал и скрывается за кулисами.

Вослед ему восторженно глядит леди Макбет (Вивьен Мерчант). Театр огласился смертельными криками: тройное убийство — короля и двух слуг — совершено. И вот Макбет уже возвращается, его лицо спокойно, шаг тверд, но вытянутые вперед руки он держит так, будто они стали чужими руками. Они покрыты густой, липкой, я готов сказать, дымящейся кровью. Будто убийца погружал руки в раны своих жертв. По правде такого не бывает. Обильная кровь, которая чуть ли не капает с рук Макбета,—это не деталь преступления и, конечно, не наивный прием «театра ужаса». Кровь на руках Макбета — это **образ**, не ошибусь, если скажу, плакатный образ. Мне видятся плакаты, взывающие к борьбе с войной, к борьбе с массовым истреблением людей...

С ЭТОГО момента в спектакле начинается его главная тема: цена человеческой крови.

Мы содрогнулись при виде рук Макбета, а леди Макбет, юная, стройная, светловолосая, широко раскрыв объятия, радостно рванулась к мужу и, желая убедить его в малости совершенного зла, в порыве схватила своими тонкими, белыми руками чудовищные руки того, кто называл ее «сопричастницей своего величия». На нежных ладонях женщины ярко зарумянился цвет крови. Супруги (сумев не замарать платье) обнялись, и (страшно сказать) в голосах их послышалось счастье, а лица заулыбались. Любящие сердца теперь могут еще и «наслаждаться властью и венцом». Так, обнявшись, они и удалились.

Сцена на миг осталась пустой, и мы внимательно разглядели это ог-

который по-
рной супру-
оим «сверх-
оутвердить-
е ничтоже-
люди, а ты
и доблесть,
эту старую
не пролить
того как в
ито, а затем
воцариться
кого нет та-
сказать «Я
ек». (Забу-
о для того,
о).

ромное обиталище (сооруженное художником Джоном Бьюри) буро-красное с черными подтеками и пурпурным отсветом — что это: мрачное феодальное гнездо, крутые склоны сыпучих гор или колоссальная доисторическая пещера? Впрочем, детализация тут и не надобна—главное, что художником был воссоздан зловещий мир, где кровь шла за бесценок: «Один лишь ковш воды, и смыто все».

Макбет Скофилда после убийства короля Дункана обретает душевный покой, все идет по намеченному плану: грань добра и зла стерта. Зло сокрыто, а «добро» налицо: он король.

Но уже не человек. Первой затухла любовь: они сидят рядом, Макбет и его леди, но любви между ними уже нет. Умерла и дружба — король готовит казнь своему близкому другу Банко и говорит с убийцами так деловито и сухо, точно с доезжачими, которые должны затравить ему кабана.

У преступления есть своя логика, и она неумолимо тащит за собой преступника, придает целенаправленность его поступкам и велениям — поэтому механические действия могут казаться живыми и вполне осмысленными. Так ведет себя Скофилд в роли Макбета до той секунды, пока перед взором его не является окровавленная тень Банко.

Питер Холл очень выразительно ставит эту сцену. Бранный стол раскинут у подножия трона, за столом в одинаковых одеяниях и с полным безразличием каменными изваяниями сидят лорды. Макбет на троне. И вот он видит прямо перед собой Банко. И во второй раз он сам сидит на месте убитого друга и снова видит его перед собой расположившимся на троне. Брюстер Мейсон играл свою роль мягко и сдержанно, но теперь, став «тенью» Банко, вскакивал с места и с пламенным взором решительно шел навстречу Макбету и, став грудь с грудью, замирал.

И тогда начиналась «партия Макбета» — каменный фасад образа рушился на наших глазах. Скофилд показывал, что его герой все же жив, но жизнь его выражена в сверхчеловеческой муке. Этот сильный, грозный воин бледнел, задыхался, дрожал... И это был не страх, а страдание — оказывается, убитый соперник Банко остался жить в душе как друг. В страданиях Макбета воскрешалась его человечность, но сам человек был уже мертв.

И вторая расплата за злодеяние — сумасшествие леди Макбет. Она кружит по страшным просторам замка, босая, простоволосая, в рубахе, как нищенка, она моет и моет свои тонкие, белые руки, а кажется, будто она их протягивает за милостыней, и бессвязно что-то бормочет. По-человечески ее жаль, но милости ей, презренной и жалкой, никто не окажет. Пятясь, уходит она со сцены, эта «сопричастница величия» Макбета.

А сам Макбет тащится к ведьмам, и старухи, пуще того повеселев (актрисы Элизабет Спригтс, Кэтрин Лейси, Клэр Келли), устраивают ему лихой спектакль — по всем правилам мистериальных чудес и с коварными загадками, ответы на которые несут гибель герою.

Но гибель эта приходит к Макбету задолго до того, как слетает с него голова; он ходит, говорит, дерется, но все это лишь механика движений и слов; есть сила, есть упорство, но нет одушевления, нет смысла. Только по-прежнему отчетливо звучит речь—актер, лучший Гамлет английской сцены, чеканит слова Макбета — фразу за фразой. Он, точно судья, цитирует речь преступника, но у самого волнение сдержанно — пусть люди сами слышат и сами судят. Тогда они лучше поймут, почему на благо человечества и во имя человечности нужно было шест с отсеченной головой Макбета водрузить на форуме, на сценических подмостках, почему, оповестив великую правду гуманизма, человеческая кровь бесценна — нужно было пролить кровь злодея.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
14 ДЕК 1966